

ЛЕКЦИОННОЕ БЮРО
ПРИ КОМИТЕТЕ ПО ДЕЛАМ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ ПРИ СНК СССР

НА ПРАВАХ РУКОПИСИ

ГЕРОИЧЕСКИЙ ЛЕНИНГРАД

Стенограмма публичной лекции писателя Н. С. ТИХОНОВА, прочитанной 22 марта 1944 года в Концертном зале имени Чайковского в Москве.

ЛЕКЦИОННОЕ БЮРО
ПРИ КОМИТЕТЕ ПО ДЕЛАМ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ ПРИ СНК СССР

НА ПРАВАХ РУКОПИСИ

ГЕРОИЧЕСКИЙ ЛЕНИНГРАД

Стенограмма публичной лекции писателя Н. С. ТИХОНОВА, прочитанной 22 марта 1944 года в Концертном зале имени Чайковского в Москве

П Л А Н Л Е К Ц И И

	Стр.
Ленинград отражает немецкий штурм (август—сентябрь 1941 года)	3
Голодная блокада (зима 1941—1942 года)	9
Город-фронт (март—декабрь 1942 года)	15
Прорыв блокады (январь 1943 года)	19
Новый период жизни города-фронта (февраль—декабрь 1943 года)	23
Великая победа под Ленинградом (январь 1944 года)	27

Ленинград отражает немецкий штурм (август—сентябрь 1941 года)

С первого же дня советско-германской войны гитлеровское командование направило против Ленинграда удар огромной силы. Это был не только военно-стратегический, но и политический ход германского империализма.

Ненавидя всё русское, стремясь его истребить, делая ставку на моральное подавление советского народа, немцы, естественно, должны были прежде всего обратить свои хищные взоры на город Ленина.

Ленинград — это город, который зовут колыбелью Октябрьской революции; здесь были заложены основы советского государства, Красной Армии. Это город старой рабочей гвардии, светоч русской национальной культуры, город, на который с любовью смотрят все свободолюбивые народы мира.

Ленинград заслуженно назывался арсеналом социалистической индустриализации. Отсюда нескончаемым потоком шли на новостройки сталинских пятилеток машины, станки, оборудование. Мощные электростанции, нефтяные промыслы, угольные копи оснащались руками ленинградских рабочих. Ленинград давал 12% всей промышленной продукции Советского Союза.

Ленинград — это ключ к Северу. Отсюда идут пути к Белому морю и Ледовитому океану, в Арктику, которую мы сделали обжитой областью Советской страны, в которой трудами и стараниями советских людей проложены новые пути, созданы населённые места. Немцы хотели отнять у нас этот ключ к Северу. Овладение Ленинградом превратило бы Балтийское море в немецкое море, лишило бы нас Балтийского Краснознамённого флота, чрезвычайно окрылило бы белофинских союзников Гитлера и дало бы возможность немцам наступать на Москву с севера, вдоль Октябрьской железной дороги, угрожая Рыбинску и Ярославлю и отрезая Север от остальной страны.

Богатства великого города манили завидующие глаза фашистских бандитов. Здесь Гитлер хотел устроить свои армии на тёплую и сытую зимовку.

Немцы заранее возвестили всему миру о своих планах «молниеносного» захвата Ленинграда. Они думали, что легко достигнут города и захватят его с наскока.

К концу августа 1941 года немецкие орды наступали на Ленинград с трёх сторон: от Кингисеппа, Луги и Тосно.

Тридцать две пехотные, 4 моторизованные, 4 танковые дивизии, кавалерийская бригада — всего свыше 300 тысяч гитлеровцев были выставлены против Ленинграда. Эти полчища имели на вооружении 6 тысяч орудий, 19 тысяч ручных лёгких и станковых пулемётов, 4500 миномётов и тысячу танков. Воздушная армия, состоявшая из трёх корпусов под командованием генерал-полковника авиации Келлера, насчитывала тысячу боевых самолётов.

Началась непрерывная ожесточённая битва за Ленинград. Немцы рвались вперёд, не считаясь с потерями. Сражение шло день и ночь. При обозначившемся продвижении немцев к Ленинграду, когда бои шли ещё в районе Пскова, всколыхнулся весь Ленинград. Сотни тысяч ленинградцев вышли для сооружения оборонительных рубежей. Начиная от Ильмена, от Кингисеппа и Луги и вплоть до окраин города, работали ленинградцы. Лом, лопату, топор, пилу взяли в руки люди, привыкшие совсем к другим делам. Тут были металлисты и архитекторы, судостроители и артисты, текстильщицы и инженеры, писатели и студенты, профессора и школьники. Мир увидел новую героическую фигуру — ленинградца-землекопа. Он был неутомим, этот работник. Под дождём, в непогоду, ночью и днём работал он, не боясь обстрела и бомбёжек.

Иные из этих работников погибли, их хоронили, как бойцов. Ленинградцы укрепили город. Люди возвращались усталые, голодные, продрогшие, но в сердце их стучала радость: они внесли свою долю в оборону.

Они выкопали противотанковые рвы общей длиной 626 километров.

Они сделали эскарпы протяжением в 406 километров. Они приготовили лесные завалы на 306 километров. Они построили тысячи догов и дзотов. Только в городе, на улицах и площадях, они сделали 35 километров баррикад.

Триста тысяч ленинградцев вышли на посты МПВО. В каждом доме образовался гарнизон, строили бомбоубежища, щели, проверяли посты, несли охрану улиц, тушили «зажигалки», разбирали обвалившиеся от бомб дома — овладевали всей техникой противовоздушной обороны. Чужой не мог безнаказанно проникнуть в дом. Даже дети разоблачали диверсантов и парашютистов. Город был затемнён. На одежде пешеходов появились светящиеся значки, это был символ того, что в домах с чёрными окнами бодрствуют, что город живёт в темноте и работает на оборону непрерывно и упорно.

Горожане несли в фонд обороны золото, серебро, деньги, драгоценные камни, отдавали памятные вещи, семейные реликвии, подарки — ничего не было жалко, если это шло на

оборону. Сражения кипели уже у Луги, а в Ленинграде ещё кончали строительство новых домов, и это было показательно для настроения того времени. Жизнь продолжалась.

Стали собирать лом. Собрали много тонн всевозможного металла. Домохозяйки осматривали свои квартиры, как капитан корабль перед боем. Удаляли всё лишнее, уничтожали всё, что грозило пожаром: тряпки, мусор, доски, хлам, старые корзинки и сундуки.

На заводах, фабриках, в учреждениях провожали на фронт многочисленных добровольцев. Создавались полки народного ополчения.

Всех охватил небывалый энтузиазм. Уходили в армию целыми семьями. Старые рабочие передавали свои станки подросткам, жёны сменяли мужей на производстве, пенсионеры, заслуженные ветераны труда, возвращались к местам прежней работы. Ленинградская промышленность эвакуировала основные заводы, но на оставшихся заводах кипела лихорадочная деятельность.

Полки народного ополчения, включившие в свой состав и бывалых бойцов, дравшихся ещё с Юденичем, и молодых, неопытных юношей, и интеллигенцию, никогда не бравшую в руки оружия, смело пошли против фашистов и своей грудью закрыли им дорогу к городу.

Воззвание, подписанное маршалом Ворошиловым, тов. Ждановым и председателем исполкома Ленинградского совета депутатов трудящихся тов. Попковым, подняло всех жителей великого города. «Не для того мы живём и трудимся в нашем прекрасном городе,— говорилось в этом воззвании,— не для того мы своими руками построили могучие фабрики и заводы Ленинграда, его замечательные здания и сады, чтобы это досталось немецким фашистским разбойникам. Никогда не бывать этому! Встанем, как один, на защиту своего города, своих очагов, своих семей, своей чести и свободы!»

Немцы думали, что их самолёты сделают невозможным какое-либо сопротивление. Но наши славные сталинские соколы в воздухе и зенитчики с земли так встретили чёрных стервятников, что сотни их рухнули вниз.

В воздухе немцы встретили сопротивление нашей авиации, и уже в воздухе было заметно преобладание нашего боевого духа. Всем известны имена товарищей Чиркова, Харитонов, Здоровцева, Тотьмина, Жукова, Матвеева, Титовки, Лукьянова, Бринько и др. Это они стали впервые применять таран на наших фронтах.

В воздушной битве над одним аэродромом лётчик комсомолец Николай Шавров направил свой самолёт на немца. У немцев уже тогда нервы были послабее, чем у наших лётчиков. На глазах всех лётчиков они столкнулись. Два самолёта рассыпались в воздухе, блеснув разноцветными иголками.

ми. Что случилось за этим? Сейчас же все немецкие лётчики вышли из боя и бежали. Через некоторое время у немецких лётчиков, участвовавших в этом бою и попавших к нам в плен, спросили, что это значило. Оказывается, на них страшно подействовал этот пример, и им показалось, что сейчас все русские лётчики бросятся на такой прямой таран. Этого их нервы не могли выдержать, они прекратили бой и ушли.

Гитлеровцы были уверены, что их танковые дивизии легко прорвут оборону города на его подступах. Да, трудно было бороться с броневыми силами фашистов. Не хватало противотанковых пушек и ружей. Но храбрецы вступали в отчаянный бой с фашистскими машинами и уничтожали их гранатами, бутылками с зажигательной жидкостью.

Система надолб, противотанковых рвов и ловушек, минные поля задержали движение немецких танков. Не помогли и «психические» атаки. Пьяные, цепями, во весь рост ходили немцы в атаку. И цепь за цепью ложилась под меткими залпами наших бойцов.

Город обстреливали и бомбили. Он отвечал канонадой своих батарей, фортов и кораблей. Залпы тысяч орудий подымали на воздух немецкую технику, рвали в клочья боевые порядки немцев. В тылу у фашистов появились первые партизанские отряды. Горели грузовики, рушились мосты, летели под откос эшелоны.

Шла грандиозная битва за Ленинград. Теперь, когда эти события стали историей, мы можем оглянуться и спросить: что же остановило немцев? Они шли с колоссальной уверенностью, они шли непрерывными колоннами, бросались в «психические» атаки. Если на одном участке они не достигали цели, они бросались на следующий участок, думая, что там они раздавят истомлённые непрерывными боями наши войска. Наваливаясь всей тяжестью удара на слабые звенья фронта, они прорывали его, стараясь взять в кольцо стойкие, но обойдённые ими части.

Они шли с такой уверенностью потому, что до Ленинграда было уже близко. Они вломились в пространство между Петергофом и Урицком, отбросили 8-ю армию — частью к Ораниенбауму, частью к самым предместьям Ленинграда, причём на эту часть армии, которая ушла к Петергофу и Ораниенбауму, они не обращали больше внимания, исходя из того, что с падением Ленинграда эта часть всё равно капитулирует. Район, где стояла эта часть, назывался позже ПОГ — Приморская особая группа. Начинаясь он недалеко от домика Марли. Кто бывал в Петергофе, тот помнит домик Марли. Фронт шёл по каналу, от гранильной фабрики к Английскому дворцу, через Английский пруд до вокзала Старого Петергофа и дальше, поворачивая на северозапад; этот район фронта

уходил вглубь и, наконец, кончался, упираясь в область Финского залива. Защитники этого плацдарма называли его в шутку «Ижорской республикой». Эта «Ижорская республика», которая, как казалось немцам, не представляет особого значения, держалась два с половиной года. Но мало того: из района «Ижорской республики» и был нанесён главный удар при ликвидации немецкой осады Ленинграда.

Форты южного берега оказались не по зубам немцам, и как они их ни бомбили, противодействие фортов было чрезвычайно сильным. К юговостоку от Урицка фронт остановился, упираясь в Пулковскую высоту, которая была сильнейшей огневой позицией. Взять её немцы не смогли.

Даже в эти дни, когда важен был каждый метр ленинградской земли, Красная Армия не превратила в поле битвы парки, музеи и дворцы Пушкина. Наша армия вышла из Пушкина, и обнажённые пространства за городом стали неприступной позицией, с которой немцы ничего не могли сделать. Тут повторились подвиги, которые были и под Москвой. Если под Москвой был подвиг «двадцати восьми», то здесь был подвиг «одиннадцати». Командир отделения Пашин погиб, но немцы не прошли там, где он стоял со своим отделением. Героически действовали танкисты майора Ушакова. Его батальон сражался на всех главных дорогах перед Ленинградом. Это были решающие дни. Ушаков был ранен несколько раз. Раненый, он отказался уйти в госпиталь. Он ответил: «Для меня лучшее лечение, когда я бью врага». В самые трудные часы он говорил своим танкистам: «Вот с этого рубежа мы не уйдём». И действительно, танкисты не сошли с рубежа, они дрались, не считаясь с силами врага. Старший лейтенант Колобанов принял бой с 43 немецкими танками. Он послал донесение, где писал: «Там, где я стою, немцы не пройдут». Он стал в засаду и за двадцать минут боя подбил 23 немецких танка. На его танке были следы 135 попаданий, но танк его стоял как скала, как живой памятник войны. Герой-танкист Михаил Яковлев шесть дней не выходил из боя. Когда вышли все снаряды, он давил немцев гусеницами своего танка.

Дуга немецкого наступления от Урицка шла на Пулково, потом севернее Пушкина, у стен Колпино и через Мгу к Шлиссельбургу.

Колпино защищали вначале рабочие батальоны Ижорского завода, но эти рабочие были настоящие воины. Они сели в танки и ушли в бой. Молодёжь пошла в бой не переодеваясь. Они отразили атаки СС-овской дивизии, причём немцы, видя, что они имеют дело с рабочими, стали разбрасывать листовки: «Господа рабочие, зачем проливать напрасно кровь? Сдавайтесь!» Но эти ижорцы до последнего дня блокады вместе

с Красной Армией держали Колпино. Героический город не уступил немцам ни одного квартала.

Даже в развалинах Ижорского завода рабочие продолжали ремонтировать боевые машины.

Когда фронт был от Ленинграда далеко, наши корабли не могли обстреливать немцев. Когда немцы подошли ближе, они попали под обстрел наших кораблей. Кроме того маленькие корабли распределялись по Неве как пловучие батареи, и много помогали пехоте в бою. Затем тяжёлые батареи фортов уже доставали не только передний край, но и тыл немцев. Это сосредоточение громадной массы артиллерии сыграло свою роль в отражении немецких атак. На передний край вышли отряды испытанных бойцов—моряков Балтийского флота. Они очень скоро заслужили у немцев почётное звание «чёрных дьяволов». Они дрались как львы, шли в атаку с одними гранатами. Они наводили на немцев панику.

Ленинград выставил несколько сот тысяч ополченцев. В это ополчение входило ленинградское население без различия профессий. Эти люди, среди которых были и очень умелые и совсем неопытные бойцы, встречали немцев на участках обороны и дрались с громадным упорством. Этому всему было название — Ленинград. Немцы впервые поняли, что есть разница между большими городами. Они думали, что большие города одинаковы, будь это Париж, Брюссель, Варшава, что они легко сдаются, когда сражение подходит к их стенам. Но они жестоко ошиблись.

В Шлиссельбург немцы ворвались с налёта. Мы отступили на правый берег Невы. А крепость Орешек находится на острове. Немцы не знали, есть ли кто в крепости, и мы не знали... В крепости был музей. Директор музея взял с собой, что можно было, сел в лодку и уехал. Немцы стали обстреливать пустую крепость. Утром туда отправились наши моряки. До них гарнизон крепости-музея состоял из одной лошади и двух кошек.

Моряки засели в крепости, и крепость эта сыграла свою роль в дни прорыва блокады. Моряки с чисто морской изобретательностью втащили на её стены орудия, которые были по переднему краю немецкой обороны.

Битва продолжалась с колоссальным упорством. Когда немцы шли на широком фронте, они применяли обходы и окружения, но по мере продвижения к Ленинграду фронт сужался, и обойти Ленинград было нельзя. Справа они упёрлись в воды Финского залива, слева — в воды Ладожского озера. Они пошли в фронтальные атаки, столкнулись с тем, что называется большим, непобедимым Ленинградом. Они получили здесь сосредоточение всей нашей артиллерии, усиленной фортами и кораблями.

Балтийские моряки в бескозырках, суровые пехотинцы, пыльные и усталые от непрерывных боёв, артиллеристы, расстреливавшие врага прямой наводкой, танкисты, врывающиеся в колонны немцев и давившие их батареи и грузовики, лётчики-штурмовики, истреблявшие зараза целые отряды, девушки-стрелки — все стали наперерез вражеским полчищам, и эти полчища почувствовали, что случилось что-то непредвиденное.

К 12 сентября немцы уже потеряли в битве за Ленинград 170 тысяч солдат и офицеров, около 500 танков, около 500 орудий. Правда, они вплотную подошли к городу. И эта близость цели так разожгла аппетит командующего немецкой группой фон Лееба, что он бросился очертя голову на решительный штурм. Враг атаковал ближние рубежи Ленинграда силами 16 пехотных, 3 механизированных и нескольких танковых дивизий. Весь сентябрь длился небывалый по упорству штурм.

Немцы стали выдыхаться. Нигде они не смогли пробить нашу оборону. Обливаясь кровью, враг остановился, вымотанный вконец. Он начал окапываться. 25 сентября фон Лееб отдал приказ о прекращении атак. Враг не прошёл.

Стойкость и умение войск Ленинградского фронта остановили механизированную орду Гитлера.

Голодная блокада (зима 1941—1942 года)

Немцы стали быстро перегруппировываться и создали новый план захвата Ленинграда. К этому времени со взятием Мги все дороги, соединявшие город со страной, были перерезаны. Ленинград оказался в кольце блокады. Немцы решили сделать второе кольцо вокруг города и соединиться с белофиннами, шедшими от Петрозаводска вдоль берега Ладожского озера.

Когда поддерживаемые немцами крупные финские силы двинулись к северу от Выборга и начали подступать к Ленинграду, мы могли противопоставить им только несколько дивизий, причём с этого участка фронта пришлось снять, например, 70-ю дивизию и отправить её под Шумск. Эта дивизия разбила эсэсовскую дивизию немцев и гнала её 25 километров. Пограничники на Карельском перешейке дрались блестяще. Первые герои Отечественной войны были как раз на этом участке фронта и как раз в пограничной дивизии. Это ныне генерал-майор Трубачёв и пулемётчик Заходский, который уничтожил несколько сот белофиннов. Когда вымотанные финны подошли к нашей старой границе, они натолкнулись на наш укреплённый район и не могли ничего больше сделать.

Стремясь замкнуть кольцо блокады, генерал Шмидт, командовавший 39-м немецким корпусом, рванулся на Тихвин. Его корпус состоял из свежих частей, предельно механизиро-

рованных; операцию немцы хотели выполнить в кратчайший срок. Корпус Шмидта прорвал линию фронта и достиг Тихвина, угрожая Волхову и стремясь соединиться с белофиннами. Но марш Шмидта не был таким победоносным, каким он рисовался немецкому командованию. На пути к Тихвину Шмидт встретил жестокое сопротивление. В ноябре наши войска ударили по этому корпусу и разгромили его наголову. В первых числах декабря немцы бежали из Тихвина. Тысячи их, переодевшись в крестьянское платье, разбрелись по лесам и сделались добычей мороза, партизан и следовавших по пятам отступавшего врага частей Красной Армии. Шумско-волховская группировка немцев также понесла жестокое поражение, была рассеяна и отступила к линии Октябрьской дороги.

Тогда немцы возложили свои надежды на голодную блокаду Ленинграда. Они решили, что суровая зима, трудности снабжения города и гарнизона поставят Ленинград в безвыходное положение. То, что не удалось достигнуть штурмом, бомбардировками и бомбёжками, немцы думали, будет достигнуто косящей рукой голода. Плохо же знали немцы ленинградцев!

Потрёпанные, обовшивевшие, уставшие от битв, войска фон Лееба стали возводить вокруг Ленинграда свою линию укреплений. Они ставили колючую проволоку, закладывали минные поля, превращали все ближайшие деревни в укрепленные узлы, создавали сложную систему огня, подвозили дальнобойные орудия, чтобы ежедневно бить по городу, истребляя квартал за кварталом, обрушиваясь огневыми налётами на наши позиции.

В осаждённом Ленинграде началась незабываемая, потрясающая своей героикой зима 1941—1942 года. Будущий летописец найдёт краски для передачи всего того величественного и героического, что принёс великий город на алтарь борьбы и победы. Товарищ Жданов в своём выступлении на заседании Верховного Совета СССР сказал:

«Ленинградцы должны были найти в себе силы и уменье для того, чтобы справляться с самыми непредвиденными и необычными трудностями и новыми задачами, которые вставали в ходе борьбы. Вокруг неотложных задач помощи фронту закипела ключом инициатива работников ленинградской промышленности. Работа важнейших военных предприятий не прекращалась в дни, когда Ленинграду приходилось особенно тяжело, не хватало топлива и электроэнергии, а недостаток питания подрывал силы людей!

Никогда ещё ленинградская промышленность, её кадры не проявляли такой маневроспособности, такого большевистского уменья выйти из самых трудных положений и выполнить во что бы то ни стало свою задачу, как это было в самые суровые месяцы прошедшей зимы в условиях блокады.

Танки, пушки, миномёты, автоматическое оружие, снаряды, мины, гранаты и многое другое давала и продолжает давать фронту ленинградская промышленность.

В Ленинграде нет грани между фронтом и тылом. Все живут одной мыслью, одним духом — всё сделать для разгрома врага... Каждый ленинградец, мужчина и женщина, нашёл своё место в борьбе и честно выполняет свой долг советского патриота».

Работать в условиях зимнего Ленинграда, осаждённого города, под непрерывным обстрелом, при голодном пайке, работать день и ночь, — могли только закалённые ленинградцы — люди железной воли и выдержки. И они работали. Они показали высокое мастерство, презрение к смерти, они оправдали великое звание потомственного ленинградского пролетарии.

Жизнь в городе становилась с каждым днём всё сложнее, паёк был скуден до чрезвычайности. Продовольствие и топливо не подвозились. Как ни берегли топливо, его запасы таяли с каждым днём. Был период, когда часть населения — служащие и иждивенцы — получали по 125 граммов хлеба с тридцатипроцентной примесью суррогата. Начался голод. С ним пришли цынга и дистрофия.

Бомбёжки длились долгими часами. В одну из таких бомбёжек молодой лётчик Севастьянов первым в мире совершил ночной таран над городом. Он сбил немецкого воздушного пирата, найдя его среди ночного неба. Бомбардировщик, пылая, упал в Таврический сад.

Трудности прибывали. Никто не роптал. Люди стали суровыми. Всё стало просто и понятно. Враг хочет сломить город голодом — город сломить нельзя.

Работать продолжали. Трамваи перестали ходить из-за недостатка электроэнергии. Люди делали пешком огромные концы, до 15—18 километров. Не было света — стали приспособлять копилки. Не было дров — начали разбирать старые деревянные дома. Не было транспорта — хлеб в магазины привозили вручную на санках.

Город был величественен и мрачен. Среди сугробов стояли вмёрзшие в снег машины, трамваи, троллейбусы, водопровод не действовал, и вереницы людей шли по улицам к Неве, спускались к прорубям за водой, тремя вёдрами и бидонами.

Насколько тогда всё дошло до предела, можно судить по тому, что морякам флота не хватало угля и они совершали экскурсии на старые баржи, которые перевозили когда-то уголь, чтобы кружками черпать остатки угля, застрявшего на дне барж.

В чём в это время была особая заслуга ленинградцев? Повторяю, трудности прибывали с каждым днём. Не стало ни света, ни воды, ни дров, ни еды. Постепенно на город как будто бы спускалась какая-то доисторическая тьма. Казалось,

что в этой тьме человек должен потерять свои человеческие черты, и тут уже не до высоких материй, не до каких-то высоких полётов духа. Как раз в это-то время у ленинградцев пробудился этот высокий дух. Трудно определить, как он сложился. Мы знаем, что на разных пространствах нашей родины—и на Украине, и в Сталинграде, и в Белоруссии, и на Кавказе—всюду, где приходилось идти на громадные жертвы, люди находили силы нравственного и боевого сопротивления, так что я не могу ленинградцев возводить на какую-то особую степень героизма, но особенности в ленинградском состоянии всё-таки были. Тут вы наглядно видели, как судьба ставит этому городу как бы нарочно самые невероятные препятствия. Что будете делать, если не будет света? Как вы будете работать без электрической энергии? Как вы будете спасать детей, когда нет дров? Как это будет? Ленинград отвечал всегда: будет так!

Как же это было действительно? Люди остались сами с собой. Если они погибали незамеченными героями, об этом героизме никто не говорил громко. В это время шли решающие сражения под Москвой. Решалась судьба страны. Ленинградцы жили во власти огромной уверенности в свои силы. Она пробуждала в каждом сознание того, что он ленинградец, и того, что он русский, и того, что он в городе Октября, и того, что он большевик, для которого нет невозможного.

Рассказывали случай, когда в тёмном, холодном цеху работала пожилая женщина, готовившая землю для опок. Ей надо было смешивать разные сорта земли, нужные для отливки снарядов, — и тут же рядом лежал её умерший муж. Оказывается, он только что умер, а она продолжала работать. Она рассказала: «Он до тех пор не хотел умирать, пока не проверил меня, как бы экзамен устроил, что я не перепутаю земли, что я возьму пропорции, какие нужно, и только тогда он успокоился». Она это рассказывала не для красного слова, а чтобы объяснить, что случилось. «И вот теперь пусть мастер не беспокоится: она за двоих сделает норму, потому что она дала мужу слово».

Так ленинградские рабочие приходили к своим станкам, как на боевой пост, и умирали, как солдаты, не выпуская из рук оружия.

Люди стали умирать. Они умирали в большом количестве от истощения, и народ сначала растерялся. Во время осады Сарагоссы, когда ко всем ужасам осады прибавилась эпидемия, испанцы со свойственной им страстью нашли определение происходящему: «Те, кто умерли от болезни во время осады, тоже умерли за отечество».

Ленинградцы, павшие жертвами голодной блокады, умирали за Ленинград. Их братские могилы оправданы всей борьбой и победой великого города.

В то время над городом постоянно стояло пламя. Начались пожары. Пожары начинались и от обстрелов и от разных бытовых причин, пожары нечем было тушить. Воды не было. Пожарные Ленинграда — это были как бы первые пожарные мира. Пожарные Лондона встречались, быть может, и с более сильными пожарами, но у них было несколько тысяч автомобилей, которые всегда были к услугам начальника пожарной охраны, а у ленинградцев не только не было в это время ни одного автомобиля — не было даже мотоциклов и вообще не было какого бы то ни было транспорта.

В то время в одной из пожарных команд под начальством тов. Каляева, состоящей из 80 человек, 72 человека имели бюллетени и только 8 держались на ногах. Если люди в то время получали от врача бюллетень, это значило, что они действительно не были в состоянии работать. Каляев пришёл к ним, когда они лежали в казарме, и сказал: «Что же — так и будет? Город будет гореть, а мы будем лежать, а кто будет тушить пожар?» И вот тогда все эти люди встали (а ведь никакой агитации не было) и пошли к столу, и каждый положил на стол свой бюллетень. 72 бюллетеня остались на столе. Тогда тов. Каляев с врачом отобрал таких, которых нельзя было пускать, а остальные пешком, таща на себе всё пожарное имущество, пошли тушить пожары. Иногда вдруг замечали, что струйка воды течёт не туда, куда нужно, и когда подходили, обнаруживали, что пожарный умер.

Когда не было воды и нечем было тушить пламя пожаров, их тушили, засыпая снегом, разбирая стены и забрасывая огонь щебнем, балками и железом, создавали ледяные сквозняки, заставлявшие свёртываться пламя.

И, однако, жизнь в городе шла. При коптилках работали учёные, писались научные рефераты, студенты готовились к зачётам, художники рисовали плакаты, композиторы писали музыку. Ничто не могло убить волю ленинградцев, дух творчества, несокрушимую энергию.

Хорошо выразила эти настроения работница Булышова с завода имени Егорова, дававшая во всё время войны вместо 60 деталей 150. Когда она узнала о награждении её орденом, она сказала: «Я чувствовала себя как на фронте! Я говорила себе: воюй крепче, Булышева! Бей фашистских поганцев, уничтожай их! Одно у меня стремление: работать, работать и работать! Не щадя сил, жизни. Один смысл имеет вся жизнь, жизнь всех нас: добиться самой великой награды — ощутить счастье полной победы над ненавистным врагом!»

Она выразила мысли всех защитников Ленинграда.

В эти беспримерные дни творческая мысль работала с особенной силой. По инициативе товарища Жданова были начаты работы по прокладке ледяной дороги через Ладожское озеро. Товарищ Попков в своём выступлении на сессии Вер-

ховного Совета РСФСР говорил об этом так: «Ввиду того, что город Тихвин был занят противником, автомобильную дорогу через Ладогу пришлось строить самим ленинградцам по направлению: Ленинград—станция Ладожское озеро—Сясь—станция Заборье протяжением 380 километров. 22 ноября 1941 года эта трасса начала действовать. В декабре 1941 года Красная Армия освободила от фашистских захватчиков город Тихвин. Это позволило построить нам новую ледяную трассу направлением: станция Ладожское озеро — станция Войбокало. Таким образом, ледяная трасса сократилась с 380 до 140 километров».

По этой трассе Ленинград ежесуточно получал 7—8 тысяч тонн продовольствия и боеприпасов, а из Ленинграда ежесуточно эвакуировалось 5—6 тысяч человек населения и большое количество заводского оборудования.

Эта трасса обстреливалась и бомбилась. Бураны заносили её, жестокие ладожские ветры и морозы неистовствовали. Работать на ней приходилось в чудовищных условиях. Но по этой единственной дороге в город шло продовольствие, и её прозвали дорогой жизни.

Но и в самые трудные дни ленинградцы знали, что они не забыты. Они твёрдо переносили все трудности, потому что уверенность в конечной победе жила у них в сердцах вместе с глубокой благодарностью всем народам Советского Союза, чьи сыны сражались под стенами города. Издалека приезжали в город братские делегации. Сталинская забота о Ленинграде давала защитникам Ленинграда новый прилив мужества. Ленинградцы не только работали для своего фронта, но и отправляли свою продукцию всюду, где в ней была нужда. В дни разгрома немцев под Москвой они сумели сделать и перебросить на самолётах за пределы Ленинграда много пушек, миномётов, автоматов и другое оружие. Они имеют в архиве обороны историческую телеграмму, подписанную маршалом Жуковым: «Ленинград. Товарищу Жданову. Спасибо ленинградцам за помощь москвичам в борьбе с кровавыми гитлеровцами».

В эти же дни, когда создавалась дорога жизни, на фронте возникло движение мстителей-снайперов. Во главе этого движения истребителей фашистов, зачинателем его встал девятнадцатилетний юноша, как его любовно называли, — орлёнок, комсомолец Феодосий Смолячков. Недолго пришлось ему бить врагов, и всё же 126 пулями он поразил 125 гитлеровцев.

В каждой части нашёлся инициатор снайперизма, за которым следовали бойцы, открывавшие личный счёт убитых гитлеровцев. Герои Советского Союза Вежливцев, Голиченков, Козлов, Калинин, Пчелинцев, Лоскутов, Фомин, Синявин истребили вместе с Феодосием Смолячковым в короткий срок около 2 тысяч гитлеровцев. А это были только первые шаги в истреблении ненавистного врага!

Среди знатных снайперов Ленинградского фронта, объединённых общей задачей, вы могли встретить белоруссов, украинцев, казахов и кавказцев.

Сталинская дружба народов связала крепкими боевыми узами миномётчика казаха Жусанбая Шинибекова и ленинградца Пчелинцева, узбека Зюфара Юсупова и армянина Казаряна, грузина Джугадзе и башкира связиста Абзала Мелидзинова, узбека Каюма Рахманова и абхазца Михаила Цужбу.

Застигнутые крепчайшей зимой, немцы, не имевшие зимней одежды, утратившие боевой пыл осенних боёв, сидели, зарывшись в землю, и с трудом несли боевую службу. Кроме того снайперы не давали им поднять голову над своими траншеями. Немцы перестали ходить во весь рост. Снайперы заставили их ползать, поставили на четвереньки.

Великий город был надёжно защищён, несмотря на то что вокруг него был бандитский вооружённый лагерь. Ленинград терпеливо ждал перемен, и они пришли.

Город-фронт (март — декабрь 1942 года)

Через Ладогу в Ленинград продолжали поступать продовольствие и боеприпасы. Через Ладогу пришёл в Ленинград небывалый обоз. В глубине партизанского края Ленинградской области партизаны и местное население собрали для Ленинграда несколько сот подвод продуктов. Этот обоз двинулся в Ленинград через временно оккупированную немцами территорию. Он прошёл невидимым до линии фронта, перешёл фронт и прибыл в Ленинград. Этот обоз — яркое свидетельство непокорённой воли русского народа, яркое свидетельство уменья и смелости партизанского руководства, пример настоящего, глубокого патриотизма.

Никакие бедствия не могли сломить гордого духа ленинградцев. К весне сорок второго года стало ясно, что провал голодной блокады налицо, что подлый человеконенавистнический план немцев задушить город голодом не удался. Город не только не думал о капитуляции, но, наоборот, горел яркой ненавистью к гитлеровцам и не только не ослабил свою оборону, но всеми средствами крепил её.

С приходом весны самый страшный период осады остался позади. Но с приближением весны другая опасность стала угрожать Ленинграду. Город был в очень антисанитарном состоянии, и казалось, то, что не удалось врагу, удастся неизбежным эпидемиям, которые явятся в Ленинград как прямое следствие зимних бедствий. Со стороны казалось, что предотвратить это новое бедствие нет возможности. Но с конца марта 1942 года по призыву городского комитета партии и

Ленинградского исполкома все ленинградцы, которые могли стоять на ногах, приступили к очистке города. Люди, шатаясь, вышли на улицы и площади, обходили дом за домом, проверяя его с чердака до подвала, и приводили в порядок. Скалывали лёд, очищали канализацию, сносили сугробы. На санях, в корзинках, в ящиках, на досках, на фанерных листах перетаскивали нечистоты и снег в Неву и каналы, перевозили на огороды.

По официальным сведениям, было очищено 16 тысяч дворов, 27 тысяч канализационных колодцев, свыше 3 миллионов квадратных метров улиц и площадей. 300 тысяч ленинградцев ежедневно выходили на эту титаническую работу.

Когда весеннее солнце пригрело многострадальную ленинградскую землю, городу не грозила уже никакая эпидемия. Он был чист и готов к новой борьбе.

Началась усиленная эвакуация больных и слабых, приведение города в состояние подлинного боевого лагеря, где нет места ни одному лишнему человеку. Начались работы по подготовке огородного хозяйства. Огороды должны были возместить Ленинграду недостаток продовольствия. Уже зимой были случаи, когда овощи доставали из-под снега среди минных полей, между линиями окопов, под обстрелом немцев. Настоящие сражения шли из-за картофельных полей пригородных хозяйств, через которые проходила теперь линия фронта.

Весной дело огородного хозяйства получило небывалый масштаб. Как и на очистку города, так и на огороды выступили сотни тысяч ленинградцев и в первую голову ленинградские женщины. Ленинградская женщина явила в дни осады пример невиданного героизма. Она взяла оружие и пошла в первые ряды защитников города, она дежурила на крыше в рядах МПВО, она тушила «зажигалки», раскапывала засыпанных, она в хмурые осенние дни, утопая в грязи и в тине или в холоде сугробов в лесу и в предместьях города, строила укрепленный пояс вокруг города. Кто измерит эти тысячи кубометров вынутого грунта, эти тонны камней, вырытых её руками, эти бесчисленные ходы сообщений, километры окопов? Кто сосчитает, сколько жертв это стоило, сколько силы воли и непревзойдённого мужества было при этом проявлено?

На долю ленинградок выпало чрезвычайно много. Они вышли на оборону города, на все его посты.

Ленинградский фронт гордился такими женщинами, как например Клариса Чернявская. Клариса Чернявская — представитель многочисленной категории героических женщин фронта. Она спасла целый эшелон раненых. Руководя эвакуацией, она вывела из окружения много раненых. Эта женщина, любимая бойцами за свою неустрашимость, не боялась смертельной опасности, когда нужно помочь человеку. Она погибла героиней на Пятачке — на Неве, когда выносила раненого.

Валентина Чибор вынесла свыше 300 раненых с поля битвы.

Тамара Кононова на поле боя нашла своего брата, тяжело раненого, но он, когда она к нему подползла, сказал: «Там мой командир, перевяжи сначала его». Когда она вернулась, брат её уже умер.

Женя Стасюк была дружинницей в самые страшные дни битвы за Ленинград. Ночью она увидела, как, не выдержав обстрела, красноармейцы отступают. Они говорили, что все командиры перебиты и что держаться невозможно. Она схватила автомат, преградила дорогу отступающим и сказала: «А ну, назад!» И она держала участок до утра. Она высылала связных, их убивали по дороге. К утру пришёл командир и спрашивает: «Кто здесь командует?» «Здесь команду я». Эта шестнадцатилетняя девочка была убита через три дня после этого. Она посмертно получила орден Ленина.

Много таких женщин было на боевых постах Ленинграда. Они заменяли братьев, мужей, они строили укрепления, работали на торфоразработках, они стояли на производстве снарядов, где руки покрываются металлической пылью, они стали плотниками, столярами, каменщиками, сапёрами — они приобрели десятки специальностей. Это была школа патриотизма, которую они кончили с медалью «За оборону Ленинграда».

Городу нужно было топливо — и опять женщина шла в глубину лесов и там добывала победу в условиях, когда мороз леденил дыхание, а голод подкашивал ноги. Она шла на самые чёрные, на самые трудные работы: она тушила пожары, она чистила город, водила трамваи под обстрелом, она становилась регулировщицей, милиционером, грузчиком, моряком, водителем транспорта. Она держала дом, семью, берегла детей, спасала их от голодной смерти, она подняла целину под огородами.

В мирной жизни ленинградцы не были героями. Они ими стали. Они преодолели не только внешние трудности: они одолели много личного, ненужного, мелкого, они поднялись над личными потерями и горестями, над личными трагедиями и семейными привязанностями, но они не убили в себе человечности. Они возвысили её. Страдание прожгло их своим огнём, но сердце их не окаменело, не обуглилось. Оно закалилось. Если они разучились плакать, это не значило, что они больше не знают жалости. Они стали её глубже чувствовать. Они отбросили жалость только по отношению к ненавистному врагу.

Немцы продолжали стоять под стенами Ленинграда. Они не отказались от мысли овладеть городом. Они решили принудить его сложить оружие, приступив к систематическим обстрелам города, терроризируя население, разрушая здания и улицы. В районе Мги немцами была сосредоточена группа Манштейна. Под Ленинград была переброшена с юга немецкая тяжёлая

артиллерия, громившая Севастополь. Переброшены были новые резервы.

Но Ленинград был готов к новым боям. Его система укреплений была доведена до совершенства, его артиллерия вступила в постоянную контрбатареиную борьбу с орудиями врага, и эта борьба на истощение, борьба, которую с огромным искусством вели артиллеристы великого города, приносила врагу много потерь и срывала его преступные планы. Началась борьба на отдельных участках, борьба в иных случаях за сотни метров, покрытых миллионами осколков, пронзённых ливнями пуль.

Так, в районе села Ивановского, на Пятачке у Невской Дубровки и в других местах шли кровопролитные бои, отличавшиеся крайним напряжением.

Город бомбили и обстреливали, но он стоял, бдительно наблюдая за всеми действиями врага. Хозяйство города жило напряжённой жизнью, но ничто не могло прервать этой жизни. Уверенные в своей победе, ленинградцы принимали делегации братских республик; и далёкие родные гости своими глазами видели, как борется великий город Ленина, и разносили весть о том во все концы нашей огромной страны.

Окопы встали против окопов, и типичная картина позиционной войны свидетельствовала о том, что Ленинград первым в Европе остановил немецкие полчища и теперь обескровливал их в непрерывных боях. Ни смена генералов, ни усиление дальнобойной артиллерии, ни ожесточённые атаки на разных участках фронта не могли утешить провалившихся со своими планами гитлеровцев.

Так проходило лето 1942 года. В Ленинграде играли театры, выходили газеты и журналы. Выходили плакаты, брошюры, книги. Осенью кончился деревянный Ленинград: его разобрали на дрова. Как всё, что делали ленинградцы, это было проведено по строгому плану. Дерево шло на топливо, все железные части и оборудование сдавались в районные советы на нужды обороны.

Подошёл праздник 25 октября. В зале, где на трибуне четверть века назад стоял Ленин, объявляя новую эру в жизни России, звучали слова доклада, и зал встречал бурной овацией выступление руководителя ленинградской обороны товарища Жданова. Не было в городе безудержного веселья, но была спокойная уверенность в завтрашнем дне, в своих силах, в могуществе великой партии, великого народа, в том, что мы победим, не можем не победить.

Подтверждая сталинскую дружбу народов, под стенами Ленинграда сражались представители всех народов Советского Союза.

День юбилея поднял дух ленинградцев ещё выше, напомнив

им с новой силой о традициях героического города, о битвах за Октябрь. Он поселил новое мужество в их сердца.

В стане же врага в это время росли колебания и страх перед непобедимым городом всё усиливался. Прибывшие пополнения сразу чувствовали, что они попали в смертельную мясорубку, без всякой надежды на победу. Гитлер посылал под Ленинград различные легионы фашистов, на вербованных во всех странах, захваченных им, каторжников и бандитов, получавших под Ленинградом заслуженную ими высшую меру наказания. Фашисты 22 национальностей толпились в окопах под Ленинградом. Но время работало не на них.

Войска Ленинградского фронта готовились к прорыву блокады, готовились, не жалея сил; и население Ленинграда работало для фронта, всемерно приближая день победы. Так пришла новая зима, но она уже не походила на прошедшую зиму. Город учёл весь опыт войны и извлёк из него наибольшую пользу.

Прорыв блокады (январь 1943 года)

Стояла зима, вторая осадная зима Ленинграда. Немцы, проверяя свои укрепления на левом берегу Невы, были уверены, что они неприступны. Но они плохо рассчитали. Если бы они заглянули в глубину нашего расположения, они увидели бы необычайную картину. На берегах озёр, похожих на высокий берег Невы, по льду озёр движутся танки в сопровождении пехоты. Артиллерия, которая ведёт пристрелку по левому берегу, имеет прекрасных наблюдателей, от которых не может укрыться ни одна батарея врага. Танки, лёгкие танки «Т-60» готовились стать из танков преследования танками прорыва.

Их вывели в лес. Танкисты стали лесными жителями. Заснеженный лес, пустыня, холод, зимние, короткие дни. Пехота привыкла к танкистам, автоматчики рассаживались на танках, сапёры шли впереди. Неприятельские укрепления были взяты под постоянное наблюдение.

Было составлено подробное описание местности, по которой должны двигаться танки, были уточнены маршруты и условия следования.

Разведка выяснила, что за исключением мест в районе Беляево и Марьино берега недоступны танкам. Минные поля противника густо насытили береговую полосу. Траншеи шли по берегу, имея впереди противотанковые рвы от трёх до четырёх метров ширины и глубиной в два метра.

Сделали у себя такие рвы и окопы и начали тренироваться. Каждому водителю было показано, куда он будет направлен во время прорыва. В четыре минуты нужно было пересечь ледяное пространство Невы. Не успел перейти — смерть. К этой мысли приучали бойцов.

И вот настал долгожданный час. Ленинграду нужен был выход на Большую Землю, нужно было прорвать блокаду. Волховский фронт должен был двинуться навстречу. Операция была разработана со всей тщательностью; всё было предусмотрено.

Настал тот час, которого ждали с таким нетерпением. Взвилась сигнальная ракета — и разразилась буря огня, подобной которой не знал ещё Ленинградский фронт. Артиллерия — бог войны — сказала своё решающее слово.

Такого огня не помнил никто, а многие видели войну с первого её дня. То, что грохотало, ревело, извергало молнии, кипело котлом, вздымало тучи снега и мёрзлой земли, то, что рвало в куски железо и сталь, опрокидывало орудия, подбрасывало немецкие тела вместе с остатками брёвен, с расщепленными деревьями, — не имело названия. Это был неистовый гром, крутившийся вдоль берега и забегавший в глубину. Артподготовка походила на стихийное явление — на неведомую, непонятную бурю.

И, однако, эту бурю производили скромные люди, одетые в полушубки, и производили по плану, так, что ни один выстрел не был направлен в пустоту, а имел свой смысл, и разрушения были продуманы и систематизированы заранее.

Танки сползли на лёд, и пехота перебежала Неву так, как это было предусмотрено. Я видел немецких артиллеристов. Они лежали, поражённые на месте, не добежав до орудий. С орудий не были сняты чехлы. Это свидетельствовало о той неожиданности и точности, на которую мы делали ставку. Это обещало успех. Так это и было.

Сапёры разминировали подходы к берегу, к окопам. Танки влезли на высокий берег Невы, пехота ворвалась в траншеи. Начался бой на главной линии немецких укреплений.

Началась битва за прорыв блокады. День за днём вклинивались наши войска всё глубже в немецкое расположение: уже горел Шлиссельбург, и на его улицах броневики и пехотинцы ликвидировали немецкие дзоты, уже были взяты Марьино, Померанский лагерь, Пильнмельница, битва подбиралась к рабочим посёлкам, но одно было ясно: немцы разбиты, немцы отступали, неся огромные потери в живой силе и технике.

Дивизия Трубачёва, будущего освободителя Гатчины, очистила Шлиссельбург от фашистов. Автоматчики Батлука вышли к 8-й ГЭС, и будущие гвардейцы Симоняка шли по снежным полям навстречу волховцам.

Битва была ожесточённой, и немцы нигде не имели успеха. Смятые натиском наших частей, они отступали разрозненными группами, и эти группы перехватывались и уничтожались.

Танкисты Хрустицкого, врываясь в догоравшие развалины рабочих посёлков, давили вражеские дзоты и противотанковые пушки, и за ними шла непобедимая пехота, которую ничто не могло остановить.

Пехота врывалась в логовище врага! Тут не было разницы между ленинградцем, горьковчанином или сыном далёкой Армении. Акуб Джаноян вёл своё отделение. Вот она, траншея, где укрылись немцы. Акуб перескакивает бруствер и начинает бой, в котором трудно разглядеть подробности. Штык и приклад, пуля и граната работают попеременно. Он убил 15 немцев. Так сражался прекрасный боец мотострелкового батальона. Это было рождение гвардейца в самом огне сражений.

Молодые танкисты становятся Героями Советского Союза, как Осатюк и Макаренко. Люди идут вперёд и видят в зимнем сумраке, что навстречу им движутся другие в такой же одежде. Они замедляют шаг, и через минуту ясно, что это волховцы. И тогда начинаются объятия, и поцелуи, и шумные крики победы. Два фронта соединились. Блокада Ленинграда прорвана!

Сокрушены линии немецких укреплений. В прахе лежат доты и дзоты гитлеровцев, мечтавших о покорении Ленинграда.

Битва уходит к Синявинским высотам и мгинским болотам. Мы твёрдой ногой стоим на левом берегу Невы. Ленинград празднует победу.

Радиорупоры кричат об этом на ночных улицах Ленинграда. На площадях и на улицах незнакомые друг другу люди обнимаются и целуются, плачут от счастья. В детском доме ленинградские дети, завернувшись в одеяла, пляшут на кроватях. Невиданная волна радости захлестнула город.

Это было в историческую ночь 18 января 1943 года. Что выиграл Ленинград от прорыва блокады?

И вторую зиму действовала ледяная Ладожская дорога, но теперь, с освобождением Шлиссельбурга, с соединением Ленинградского и Волховского фронтов, Ленинград получил прямую связь с Большой Землёй, получил постоянный путь, действующий во все времена года.

Вдоль шлиссельбургских каналов пролегли рельсы, поднялся железнодорожный мост недалеко от развалин старой крепости Орешек, и первый поезд пришёл в Ленинград, встреченный бурными овациями.

С этого дня, несмотря на обстрел немцами приневского участка дороги, железнодорожное сообщение начало регулярно действовать и дало возможность в скором времени увеличить нормы продовольственных выдач населению. Теперь по хлебным карточкам ленинградцы получали: рабочие — 600 граммов, служащие — 500, иждивенцы — 400 граммов, дети — тоже; рабочие и инженерно-технические работники оборонных предприятий — 700 граммов.

Дух ленинградцев ещё более укрепился после победных боёв по прорыву блокады, а великая победа под Сталинградом, победы на Дону, в предгорьях Кавказа наполнили гордостью сердца ленинградцев.

Фронт под Ленинградом имел теперь такой вид: он шёл южнее Ладоги, по топким торфоразработкам Синявина у самых Синявинских высот, у болот Мги, по берегу болотистой речки Мойки, возвращался к Неве в районе 8-й ГЭС, шёл по Неве до Усть-Тосно, опускался на юг к Красному Бору и обходил Пушкин немного севернее города. Пулковская возвышенность господствовала в центре над немецкими окопами. Потом фронт выходил к Урицку и упирался в берег Финского залива. Петергоф был разделён фронтом пополам. Передний край здесь шёл дальше Марли по каналу у развалин гранитной фабрики и по берегу Английского пруда, потом в районе Гостилиц поворачивал на запад и, уходя всё северозападнее, снова выходил на залив. Всё пространство между Петергофом и южнее Горвалдая было в руках Приморской особой группы. Эта группа снабжалась через залив и Кронштадт всем необходимым. Осенью 1941 года в этот район отошли части 8-й армии. Немцы, выйдя к берегу залива между Урицком и Петергофом, отнеслись пренебрежительно к этим войскам, оставшимся у них на фланге, решив, что с падением Ленинграда эти войска неминуемо капитулируют. Они делали попытки уничтожить этот клин, но, встреченные огнём береговых фортов и фортов Кронштадта, отказались от дальнейшей борьбы и встали в оборону и на этом участке.

Впереди Ленинграда с моря Кронштадт, как старый, испытанный щит, принимал на себя удары врага. Его форты и корабли отражали множество налётов авиации и вступали в артиллерийскую дуэль с фашистскими батареями. Имея базами маленькие острова, лежащие западнее Кронштадта, Балтийский Краснознамённый флот высылал в бой торпедные катеры и подводные лодки, смело уходившие сквозь многочисленные минные заграждения на простор Балтийского моря. Действуя вместе с авиацией, моряки уничтожили множество неприятельских кораблей, транспортов, тральщиков и катеров противника.

Зенитная артиллерия сбивала сотни немецких самолётов, пытавшихся нападать на наши корабли. Часть боевых кораблей ушла в Неву и бросила якорь в городе, часть осталась в Кронштадте.

Немцы предпринимали неоднократные попытки нанести удар Балтийскому флоту. Но все они неизменно кончались позорным провалом.

Балтийский флот был и остаётся грозной силой, которая ещё сыграет огромную роль в последних периодах военных действий в районе Финского залива и Балтийского моря. Моряки дали фронту морскую пехоту. Артиллеристы морских дальнобойных батарей много помогли защите Ленинграда. Лётчики морской авиации наносили удары по флоту врага, по его базам и коммуникациям.

Новый период жизни города-фронта (февраль — декабрь 1943 года)

Отчаявшись взять Ленинград, немецко-фашистские варвары решили уничтожить город непрерывным артиллерийским обстрелом. Они обстреливали Ленинград ежедневно и днём и ночью. Снаряды рвались на улицах, в жилых домах, попадали в памятники культуры и старины, в театры, музеи, больницы, детские дома, госпитали, в трамваи и убивали женщин, детей, стариков, калечили много ленинградцев. Всего за время осады по Ленинграду немцами было выпущено более 150 тысяч тяжёлых снарядов. Каждый ленинградец, уходя из дома утром, не знал, вернётся ли он целым и невредимым домой.

Свыше 32 тысяч ленинградцев было убито и ранено фашистскими снарядами. Многие исторические здания жестоко пострадали от обстрелов и в числе их такие, как Инженерный замок, Русский музей, Эрмитаж, Зимний дворец, Горный институт, Казанский собор и другие.

Водопроводная сеть была перебита в разных районах города в 5609 местах. Разрушено было около 3 миллионов квадратных метров жилой площади, 500 школ и 170 лечебных учреждений.

В городе не осталось ни одного не затронутого обстрелом здания. Стёкол, как правило, не было в большинстве домов. Окна закрывали фанерными щитами.

Ленинградцы после прорыва блокады знали, что самое худшее позади, но самое трудное ещё впереди. Город был охвачен трудовым энтузиазмом. Ленинградцы старались, как могли, восстанавливать хозяйство родного города, страдавшего от бомбёжек и обстрелов. Они стали печниками, водопроводчиками, трубочистами, плотниками, стекольщиками, малярами.

Город и фронт были связаны нераздельно. Всё, что нужно было фронту, давали ленинградцы, став стахановцами, двухсотниками, изобретателями, инженерами, техниками, конструкторами, кузнецами, сверловщиками.

Они же были донорами, санитарями, огородниками, учителями, агитаторами, они строили укрепления, дороги, добывали торф, спасали сирот, утешали больных, ухаживали за ранеными, собирали металлический лом, разбирали дома и работали, не зная отдыха.

Возраст не играл роли. Россия всегда славилась самоучками, народными талантами, но когда было, чтобы шестнадцатилетний мальчик Иван Здоров стал мастером важнейшего цеха — электрообжига, — опытным руководителем, у которого есть чему поучиться и старым инженерам?! Лётчик-истребитель Герой Советского Союза комсомолец Литаврин делал своё дело в воздухе. На земле его друг, сварщик Арсений Коршунов тоже

делал своё дело неплохо: он так упростил технологию процесса обработки деталей, что установил мировой рекорд — 24 нормы за смену, и, встречаясь, они понимали друг друга без слов.

Когда иссяк нужный сорт пороха, интендант 1-го ранга Черныш по собственной инициативе отыскал и взял на учёт все имеющиеся сорта пороха к другим орудиям и миномётам. Он составлял новые сорта пороха, чтобы получить заменитель. И он нашёл формулу пороха-заменителя. Заряды с его порохом дали фронту 400 тысяч выстрелов.

Мальчики-ремесленники пришли на заводы и встали к станкам. Все — и взрослые и маленькие — показывали чудеса выносливости и бесстрашия, работая под снарядами и бомбами.

Культурная жизнь города не замирала. В театрах шли спектакли даже в самые тяжёлые дни блокады. Бригады артистов выезжали на фронт и там под обстрелом добирались до переднего края и в блиндажах играли перед бойцами фронта. Артистов видели на батареях и на кораблях, в госпиталях и лазаретах. Дом Красной Армии работал без перерыва, обслуживая части Ленинградского фронта.

В городе был огромный спрос на книгу. Выходившие книги мгновенно раскупались. Историческая книга, книга для чтения на отдыхе, книга научная— всё фронт с жадностью поглощал.

Ленинградское радио — голос города — не замолкало и в жуткие дни тяжёлой зимы сорок первого года. Немцы стремились вывести его из строя, обстреливая район Дома радио, но никогда передачи не прерывались из-за обстрела. Были дни, когда на ногах из-за голода оставался один человек, который один проводил все передачи со стойкостью истинного ленинградца.

В библиотеках всегда можно было видеть читателей всех возрастов. Научные учреждения, оставшиеся в городе, работали на оборону. Из учебных лабораторий делали цехи для производства вооружения. Врачи работали самоотверженно.

В город приезжали делегации братских республик, привозили подарки бойцам фронта и трудящимся города-героя. В эти дни Ленинград с особой силой чувствовал свою связь со страной, с родиной, которая с любовью следила за его титанической борьбой.

Летом работала Ладога, покрывшаяся массой маленьких кораблей, транспортов, буксиров, судов специального назначения. На пустынных раньше берегах в короткие сроки выросли гавани. Немецко-финские фашисты сделали попытку ворваться на ладожские коммуникации, захватить остров Сухо, но встретили достойный отпор и, понеся большие потери, бежали, не имея успеха.

Психология ленинградца на третий год битвы за Ленинград очень изменилась. Каждый житель великого города чувствовал всю меру ответственности и сурово поддерживал дисциплину

на работе и в быту. Работали все — от маленького мальчика до седого деда — потомственного ленинградского рабочего. Порядок в городе был образцовый. Как могли, старались поддерживать чистоту, принимали противопожарные меры, и в городе бывали дни, когда не было отмечено ни одного бытового пожара — явление невероятное для такого большого города, как Ленинград.

Ежедневные обстрелы, рассчитанные на подавление духа ленинградцев, на внесение растерянности в их ряды, только усиливали чувство ненависти к немецким убийцам. Ленинградцы приспособились к жизни под свист снарядов. Они, как обстрелянные воины, не смущались ни видом разрушений, ни видом крови, обгарявшей улицы родного города. Они непоколебимо стояли на своих постах, соревнуясь в выдержке и выносливости. Они ходили в театр в часы отдыха, ходили на работу, возвращались домой, спали и ели — под заунывный вой летящих снарядов и под громовые разрывы.

В Ленинграде было много детей. Они ходили в школу, работали на огородах, они стали прекрасными тружениками на заводах, и сделанное их руками оружие было такой же отделки, как у взрослых, опытных мастеров. Им выпало героическое детство, им достались очень трудные времена, но эти маленькие герои с гордостью могут сказать, что они не отставали от своих отцов и матерей в работе на оборону.

Разрушения в городе были большие. Снаряды пробивали крыши, рвались в квартирах, разбивали водопроводную сеть, портили электрическую проводку, разбивали стены, вызывали пожары. Немцы часто применяли зажигательные снаряды, что бы огнём пожаров усилить обстрел. Немцы били по людным местам главных артерий города, и в эти часы пройти, скажем, по Невскому могли только люди сильной воли, так как расстояние от угла Садовой до угла Литейного становилось передним краем. Пришлось перенести трамвайные остановки и впускать публику в расположенные на Невском кино не с проспекта, а со двора.

В Ленинграде с новой силой были продолжены лучшие традиции прошлого. Красноармеец, уничтожавший немца под Ленинградом, — разве в нём не повторился боец первых лет Красной Армии, тот, кто бил немцев под Псковом в восемнадцатом году, освобождал Балтику, защищал Петроград от бесчисленных врагов?!

Ленинградский рабочий, свободолюбивейший человек и мастер, — разве не перед ним выступал Ленин ещё в годы первых рабочих революционных кружков, в свой апрельский приезд перед Октябрём, в дни громокипящего Октября?!

Характер ленинградца непохож на характер далёкого от нас петровского петербуржца. Он как бы сформирован заново, в нём ничего нет от человека прошлых эпох, и в нём есть всё, что двигало и того

далёкого работника, — любовь к независимости родного народа, любовь к широте новых, не изведанных ещё путей, любовь к родине, жажда познания, всечеловечность большого сердца, пытливість доброго всеобъемлющего ума.

Ленинградец умеет хорошо, добротнo работать, мастерски работать. Он умеет изобретать, создавать новое в производстве и технике. Когда в голодную зиму рабочие умирали от истощения на заводах, они умирали, обняв станки последним движением, как солдат, умирая, обнимает оружие, сражаясь до последней капли крови.

Это было скромное мужество безымённых железных большевиков, великих патриотов.

Родина признала подвиг ленинградцев. В ленинградцах получило своё высшее развитие то чувство патриотизма, которое воспитала в них сталинская школа героизма, воспитала великая партия большевиков. В ленинградцах достигло полного развития великолепное чувство коллективизма, которое характерно для людей социалистического общества, беззаветно преданных своей родине.

Родина подарила ленинградцам высшую награду любви за мужество и отвагу. Она подарила им медаль, на которой выбито «За оборону Ленинграда». Это — признание заслуг ленинградцев перед родиной, это историческая награда.

Шло время. Началось великое наступление нашей армии на юге. Просторы, заполненные огромными армиями, содрогались от грохота гигантского столкновения. Наша армия громила немецкие армии, брошенные Гитлером в новое, отчаянное наступление. На Ленинградский фронт выпала задача способствовать сражению на юге. Немцы собрали в районе Мги и Синявина большой кулак, силой в 15 дивизий, чтобы, ударив, снова выйти к Ладоге и замкнуть кольцо блокады. Но они были предупреждены встречным ударом войск Ленинградского фронта. Начались упорные сражения в болотистых пространствах южнее Ладоги. Через несколько недель жестоких боёв немецкая группировка была измолота и для поправления дел немцам пришлось снимать с других участков фронта дивизии для поддержки своих сил у Синявина и Мги. Таким образом, войска Ленинградского фронта не только не позволили немцам перебрасывать на юг от Ленинграда войска, но и способствовали под Ленинградом ослаблению немцев на юге.

К январю 1944 года положение на Ленинградском фронте было очень устойчиво. В небе Ленинграда господствовали наши лётчики. Наши батареи успешно громили батареи врага, обстреливавшие город. Наши укрепления никогда не были так сильны, как сейчас. Наши войска учились непрерывно, помня приказы Маршала Сталина о постоянном совершенствовании в овладении всеми видами оружия. Коман-

диры были закалёнными и умелыми. Генералы разрабатывали планы сокрушения немецких полчищ под Ленинградом.

Настроение в частях было самое уверенное. За спиной бойцов лежал Ленинград, вдохновлявший их для нанесения смертельного удара врагу. И этот час решающей битвы приближался с каждым днём!

Великая победа под Ленинградом (январь 1944 года)

Немцы под Ленинградом после периода первого наступления и штурма приступили к постройке укреплений вокруг города. Эти укрепления они совершенствовали в течение двух с половиной лет. Им всё казалось мало. Они расширили их в глубину так, что вся площадь между передним краем и Гатчиной представляла ряд оборонительных линий, снабжённых всей современной техникой. Не говоря уже о проволочных заграждениях и минных полях, минах-сюрпризах и всевозможных ловушках, эти линии были густо насыщены дотами и дзотами, постоянно усиливавшимися новым вооружением.

Огромное количество всевозможных батарей и пулемётов создавало такую систему огня, прорыв через которую казался невозможным. Всё новые и новые инспекционные комиссии, наезжавшие из штаба фронта и даже из самого Берлина, убеждались всякий раз, что эти сооружения по мощности превосходят все бывшие до сих пор укрепления, в том числе и линию Маннергейма.

Гарнизон этих укреплений на ответственных участках состоял из пруссаков, уроженцев Восточной Пруссии, то есть из самых боеспособных солдат. На менее важных участках были размещены разные фашистские легионы, вроде норвежского или испанского. Эти легионы к решающим дням были отведены в тыл, и на их место встали немцы. Проведя под Ленинградом два года, привыкнув к местности и условиям обороны, немцы не имели сомнений в том, что успешно отразят любую попытку прорыва.

Глубина обороны успокаивала самого осторожного и сомневающегося. Гитлер придавал Ленинградскому фронту первостепенное значение. Перейдя от заклинаний и бессмысленных выкриков первого периода, сводившихся к тому, что не сегодня—завтра Ленинград упадёт, как спелый плод, в его руки, он в последнее время заявлял, что он отступает только там, где он хочет. Под Ленинградом он не хочет отступать и не будет. Кроме того он указывал, что Ленинградский фронт — последний стабильный фронт на Востоке, который надо держать во что бы то ни стало.

Но с немецкими солдатами и офицерами под Ленинградом начал происходить современем странный процесс. От лёгких

мечтаний о взятии Ленинграда они постепенно перешли к мыслям о полной бессмысленности сиденья под неприступным городом. Многочисленные документы — письма и дневники — свидетельствуют о том, как проникало в сознание прибывающих из тыла немцев чувство обречённости и безвыходности.

Немцы под Ленинградом созрели для поражения. Ленинград из осаждённого города превратился в город, осаждающий немцев. Они не могли его взять, и они не могли уйти спокойно из-под его стен. Они были обречены. Их ничто не могло спасти от поражения.

Ленинград между тем готовился к наступлению, готовился тщательно и грозно. Солдаты и офицеры не только прониклись важностью предстоящей задачи, но горели жаждой мести, хотели полной мерой отплатить врагу за всё зло, что он причинил Ленинграду. Ленинградский фронт должен был действовать во взаимодействии с Волховским фронтом.

И пришёл день, когда невиданной силы артиллерийский огонь потряс воздух. В Ленинграде привыкшие ко всякого рода канонадам люди смутились силой такого почти стихийного грохота. Но вскоре смущение сменилось радостью, потому что все узнали, что начался великий бой за освобождение Ленинграда.

Удар начался из района того самого ПОГ, который так пренебрежительно был оставлен немцами в покое с сентября сорок первого года. Прорвав линии немецкой обороны, части генерала Федюнинского вышли к Кипени, в то время как гвардейский корпус Симоняка, войска Масленникова, разгромив центральный участок немецкой обороны, прорвались к Гатчине и Красному Селу.

Началась сокрушительная битва, продолжавшаяся двенадцать дней. Линия немецких укреплений была прорвана на всём протяжении фронта, пали все важнейшие узлы сопротивления. Были освобождены города: Красное Село, Ропша, Урицк, Пушкин, Павловск, Мга, Ульяновка, Гатчина и другие. Немцы были отброшены на 65—100 километров от Ленинграда. В это же время войска Волховского фронта форсировали реку Волхов и верховье озера Ильмень, прорвали немецкую оборону и овладели Новгородом.

Удары, сыпавшиеся на немцев, были быстры, безостановочны и неотразимы. «Северный вал», «стальное кольцо», как называли немцы свои укрепления, перестали существовать.

События развивались стремительно. Теснимые и гонимые со всех сторон, немцы катились безостановочно на югозапад. Пала Луга, были взяты Кингисепп и Батецкая.

За месяц боёв победоносные войска двух фронтов вышли к Нарве, продвинувшись на 250 километров, вышли к Пскову, освободили свыше 4 тысяч населённых пунктов, освободили

важнейшую железнодорожную магистраль Ленинград—Москва и многие другие железнодорожные линии. Нева на всём протяжении стала свободной. Непрístupные болотные укрепления Мги были взяты. Кончилась легенда о непрístupности мгинских рубежей.

Немцы оказывали жестокое сопротивление, и всё-таки основные силы 18-й армии в составе 11, 21, 58, 61, 121, 126, 170, 212, 225, 227, 290-й пехотных, 8 и 28-й легкопехотных, 1, 9, 10, 12, 13-й авиаполевых дивизий, полицейской дивизии «СС», испанского легиона, танково-гренадерских дивизий «СС», «Нидерланды», «Нордланд», «Фельдхернхалле», а также 12-й танковой дивизии понесли тяжёлое поражение.

Кроме того была разгромлена вся крупная артиллерийская группировка тяжёлой артиллерии, которая так долго и злобно обстреливала Ленинград.

Одними убитыми немцы потеряли свыше 90 тысяч человек. Уничтожено было много орудий и танков и всякой техники, и много было захвачено с боя.

Так бесславно кончился поход Гитлера на Ленинград. Так провалился план захвата Ленинграда. Ничто не спасло немцев от разгрома: ни укрепления «северного вала», ни артиллерия, ни искусство их генералов. Смелое советское наступление, могучее и рассчитанное, прекрасные действия воинов всех родов оружия, инициатива, умение найтись в любом положении, умение драться — это всё то новое, что явилось как доказательство неоспоримого превосходства новой школы советского военного дела, школы великого Сталина. Он предначертал этот гениальный план победы под Ленинградом — и немцы погибли!

...Город Ленина торжественно салютовал доблестным войскам Ленинградского фронта 24 залпами из 324 орудий. Этого величественного зрелища ленинградцы не забудут. Толпы народа теснились на набережных и улицах, смеясь и плача, следя, как взвиваются огненные ракеты, освещающая ночное небо, и как гремят наши орудия, праздную победу.

Ленинград был свободен. Свободен от блокады, от немецкой угрозы, от обстрелов. Кончилась героическая эпопея его защиты. Мысли невольно возвращались к недавнему прошлому, и в памяти являлись незабвенные страницы долгих дней борьбы. Чудо, поразившее мир, предстало во всём блеске славы. Казалось непонятным, как город, который должен был слабеть с каждым днём, не только не слабел, а всё больше и больше подымался в силе и могуществе, чтобы одним ударом сразу покончить и с захватчиками и с их военной мощью.

Ленинградцы поклялись победить — и они победили. Они победили под знаменем Ленина и Сталина в городе великого народного вождя, в городе, любимом всей страной и за её пределами.

Ленинград встал в новой славе, израненный, в крови, но грозный и победоносный. 27 января 1944 года — великая новая историческая дата, дата освобождения от блокады навсегда.

Свободный Ленинград приступил к восстановлению разрушенного. Он смотрит на другой легендарный город — там, на Волге, — на руины Сталинграда. Эти два города — два великие символа нашей борьбы. Ленинград первый в Европе остановил полчища Гитлера. Сталинград первый нанёс им удар, от которого они не могли уже оправиться. Ленинград и Сталинград — великие примеры сталинского полководческого гения, предвидения и победы. В них залог нашей окончательной победы, полного разгрома и уничтожения фашизма. В них залог бессмертной славы нашей родины, идущей в изумительное будущее под предводительством великого Сталина.

